

Лекция 2

Аристократическая элита Афин: проблемы структурирования

В общественной жизни древнегреческих полисов, как и любых других государств в человеческой истории, весьма значительную роль играла политическая элита. Именно на ней, на ее структуре, составе, эволюции будет сделан основной акцент в рамках данного пособия. Довольно обширный экскурс, посвященный греческому полису, полисному типу государственности, потребовался для того, чтобы с самого начала оттенить важнейшие черты этого исторического феномена и тем дать предпосылки правильного понимания механизмов функционирования элит в том социуме, который нас здесь интересует. Ведь политическая элита в архаической и классической Греции являлась неизбежно полисной элитой; иной быть она не могла.

Один из главных вопросов общего порядка, который предстоит затронуть, — типология элит на рассматриваемом здесь хронологическом отрезке и в соответствующих условиях. Из всего сказанного выше, насколько можно судить, однозначно вытекает, что исторически первым типом элиты в архаической Греции в целом и в Афинах в частности была аристократическая элита (*kaloï kagathoi*, «прекрасные и доблестные», как называли себя ее представители).

Формирование этой аристократической элиты, ее эволюция на протяжении столетий, изменение ее положения в полисе в результате установления афинской демократии, ее постепенный уход с политической арены и замена элитой нового, «демократического типа», вклад аристократии в историю Афин — все эти вопросы будут подробно рассмотрены в следующих лекциях. А пока, во вводной части

ЛЕКЦИЯ 2. Аристократическая элита Афин: проблема структурирования

курса, коснемся нескольких проблем, которые на первый взгляд могут показаться второстепенными, но без предварительного рассмотрения которых в дальнейшем будет затруднительна всесторонняя характеристика аристократической элиты античных Афин.

Одним из наиболее оживленно дискутировавшихся в антиковедческой литературе вопросов, связанных с историей афинской аристократии, был и остается вопрос о сущности греческого и, в частности, афинского рода (*genos*). Традиционная концепция, долгое время остававшаяся общепринятой, была разработана в XIX в. Дж. Гротом; на его построения оказали беспорное влияние общие представления того времени о роде, отразившиеся, помимо прочего, и в конструкциях, предложенных знаменитым американским этнографом Л. Г. Морганом на материале первобытных обществ (как известно, идеи Моргана оказали впоследствии определяющее влияние и на схему «происхождения семьи, частной собственности и государства», как она обрисована у Энгельса). Концепция Грота и в XX в. имела и по сей день продолжает иметь убежденных сторонников среди антиковедов (Whibley, 1896; MacKendrick, 1969; Daverio Rocchi, 1973; Ehrenberg, 1968; Littman, 1990; Лурье, 1939; Блаватская, 2003). Согласно этой концепции, греческий *genos* лучше всего может быть определен как клан. Это — архаичная организация замкнутого типа, своего рода квазигосударство внутри полиса. *Genos* претендует на происхождение от общего предка (обычно фиктивного, взятого из мифологии); для него характерны общие религиозные церемонии, общие усыпальницы, взаимное право наследования и обязанности по защите сородичей, зачастую общая земельная собственность, специальные должностные лица (архонт и казначей). Внутри рода существует более мелкая единица — семья, домохозяйство (*oikos*, *oikia*). Сама эта концепция, впрочем, с течением времени подвергалась определенной модификации. Так, было отмечено (Connor, 1971; Littman, 1990), что афинские *gene* (множественное число от *genos*) включали в себя не все население, подобно ирокезским или римским родам, а лишь аристократию.

Параллельно вышеупомянутой схеме в 1970-е гг. появилась другая, существенно отличающаяся от нее точка зрения. Наиболее полемически заостренно ее выразил французский исследователь Ф. Буррио (Bourriot, 1976): слово *genos*, по его мнению, не

являлось *terminus technicus* и в разные эпохи имело различный смысл. В целом в Афинах можно выделить три типа объединений, в отношении которых употреблялось это слово: жреческие корпорации (Керики, Евмолпиды), древние общины, сохранившие собственные культы (Гефиреи, Саламинии), наконец, политически влиятельные семьи (*oikoi*), к которым термин *genos* начинает применяться лишь с IV в. до н. э. (Алкмеониды, Филаиды). Наличие в Аттике древней клановой организации с родовой земельной собственностью, родовыми усыпальницами и т. п. Буррио отрицает. Эта точка зрения с теми или иными вариациями становится все более популярной в науке (Roussel, 1976; Starr, 1977; Ober, 1989; Ellis, 1989; Глускина, 1983), хотя, впрочем, встречаются и принципиальные возражения (наиболее последовательный противник данной концепции — Р. Литтман, упрекающий Буррио в игнорировании данных социальной антропологии, см. Littman, 1990). В значительной степени укоренилось мнение, согласно которому важнейшей социально-политической единицей был не полумифический *genos*, а *oikos*, семья.

Существует и промежуточная точка зрения, согласно которой *genos*, род, был реалией, но действовал на политической арене не как таковой, а посредством одной или нескольких своих важнейших семей или, по выражению Г. Т. Залюбовиной, агнатных групп (Залюбовина, 1984; Залюбовина, 1994; Ferguson, 1938; Bicknell, 1972; Connor, 1972). Именно эти семьи боролись за власть в архаических Афинах, используя экономическое могущество и поддержку своих родов. Данная концепция, комбинирующая позитивные стороны как традиционной схемы, так и конструкции Буррио, представляется нам наиболее близкой к действительности (разве что мы воздержались бы от употребления терминов типа «агнатная группа»).

Однако необходимо внести уточнение по поводу употребления нами в тексте данной работы слова «род» (род Алкмеонидов и т. п.). В свете вышеизложенных разногласий в вопросе о самом определении рода такое словоупотребление может показаться уязвимым. Нам могут возразить, например, что целесообразнее вести речь не о роде, а о семье Алкмеонидов (Филаидов и т. п.). Мы опираемся здесь на то обстоятельство, что в русском языке слово «род» (как и гречес-

ЛЕКЦИЯ 2. Аристократическая элита Афин: проблема структурирования

кое *genos*, по указанию Буррио) не имеет узкого технического смысла и может употребляться в разных значениях. Так, говоря о русских дворянских родах (Голицыных, Шереметевых, Юсуповых и др.), имеют в виду вовсе не какой-то клан, а семью или, чаще, систему семей, связанную происхождением от общего, отнюдь не фиктивного предка. Именно в этом смысле мы и будем впредь употреблять в ходе исследования термин «род».

Строго говоря, все названия афинских родов в некоторой степени условны. В Афинах (и в Греции в целом), в отличие от Рима, название рода никогда не входило в состав официального имени гражданина, и это зачастую мешает антиковедам как идентифицировать родовую принадлежность того или иного знатного афинянина, так и определять правильные наименования некоторых родов. Так, Филаидов (весь этот род или одну из его ветвей) иногда называют в литературе Кимонидами. Какое название — Кодриды или Медонтиды — следует считать более правильным? Были ли Писистратиды отдельным родом или ветвью рода Кодридов? Как назывался род, к которому принадлежал Алкивиад (предлагались разные варианты)? Это лишь немногие из числа тех вопросов, с которыми сталкиваются специалисты по афинской генеалогии. И далеко не на все такие вопросы вообще когда-нибудь будут даны однозначные и непротиворечивые ответы.

Мы не случайно остановились на проблематике, связанной с сущностью аристократического рода. Фактор родства играл очень большую, временами определяющую роль в политической жизни и политической борьбе. Важным средством аристократического влияния служила разветвленная сеть внутрополисных межродовых связей (поддерживавшихся главным образом путем династических браков), посредством которых создавались крупные коалиции родов, чаще всего на региональной основе: в связи между собою вступали обычно роды соседние, имевшие рядом расположенные резиденции и земельные владения. Такого рода коалиции были весьма значимым фактором политической борьбы в архаической и раннеклассической Аттике. Любой союз двух родовых групп, как правило, закреплялся брачными узами. Все политические альянсы были прежде всего альянсами сородичей и свойственников.

ТЕМА I. Введение в курс

Весьма высокий авторитет аристократов основывался не в последнюю очередь на развитой системе генеалогических преданий, связывавшей их с легендарными героями микенской эпохи, а в конечном счете — с богами, прежде всего с Зевсом (именно это являлось важнейшим признаком принадлежности того или иного афинского рода к высшей знати — евпатридам). В свете вышесказанного представляется вполне естественным, что даже набиравшие силу по мере радикализации демократии «новые политики» незнатного происхождения стремились включиться в традиционный аристократический «истеблишмент», задействуя для этого матримониальные механизмы. Так, дети известного демагога Клеона породнились с одной из почтеннейших в Афинах семьей тираноубийцы Гармодия (из рода Гефиреев), а Никий — еще один видный афинский политический деятель эпохи Пелопоннесской войны, славившийся богатством, но не принадлежавший к евпатридам, — установил брачные связи с издревле знаменитой семьей, к которой принадлежал, в частности, оратор Андокид (эта семья по женской линии имела какое-то отношение к роду Филаидов, возможно, являлась одной из его боковых ветвей).

Следует помнить, что одним из важнейших критериев оценки индивида в Афинах, да и в целом в античной Греции, всегда оставалось его происхождение, что, кстати, помимо прочего, вызывало обостренный интерес греческих авторов, в том числе и классической эпохи, к генеалогическим сюжетам. В V в. до н.э. развитию этой тенденции способствовало общее возрастание в условиях демократии письменного элемента культуры. Появилось большое количество записанных и ставших доступными широким массам гражданского коллектива текстов документального характера, среди которых были и имевшие самое прямое отношение к «аристократической» составляющей исторической памяти. В частности, во 2-й половине V в. до н.э. был зафиксирован на мраморной стеле и выставлен в главном общественном месте города — на Агоре — полный список ежегодно сменявшихся афинских эпонимных архонтов со времени учреждения этой магистратуры. Отныне каждый афинянин мог прочесть в упомянутом списке громкие имена Мильтиада, Клисфена, Каллиада, Кипсела,

ЛЕКЦИЯ 2. Аристократическая элита Афин: проблема структурирования

Ксантиппа, Фениппа и многих других членов могущественнейших евпатридских родов Филаидов, Алкмеонидов, Кериков и т. д.

Генеалогии в античной Греции, как, наверно, и в любом древнем обществе, были одним из важнейших способов фиксации и манифестации исторической памяти. Весьма значительное место занимают они уже в эпосе Гомера, не говоря о Гесиоде. Появление на исходе архаической эпохи научной, в том числе исторической, прозы отнюдь не привело к изменению положения вещей, скорее, напротив: теперь уже в прозаическом жанре многочисленными авторами начинают фиксироваться самого различного рода родословия. Во избежание возможных недоразумений необходимо подчеркнуть, что речь идет не о каком-то «сочинении» или «изобретении» генеалогий, а о переходе издревле существовавшего генеалогического жанра из устной сферы культуры в письменную. Такой переход имел определенное значение, прежде всего в связи с тем, что он позволял сделать генеалогические стеммы несравненно менее подверженными порче, неизбежной при передаче «из уст в уста» в течение многих поколений. Генеалогии занимают прочное место в исторических трудах, начиная уже с подлинного «отца истории» (не вполне заслуженно уступившего этот титул Геродоту) — наиболее талантливого и, пожалуй, наиболее рационалистически настроенного из первого поколения греческих историков (логографов) — Гекатея Милетского. Гекатей, в целом критически относившийся к существующей мифологической традиции, тем не менее был абсолютно убежден в собственном происхождении от богов в шестнадцатом поколении (Hecat. FGrHist. 1. F 300) и, судя по всему, письменно зафиксировал с целью его доказательства подробную генеалогическую стемму. Вряд ли стоит видеть в подобном воззрении признак «наивности» Гекатея, который мог бы служить основанием для пренебрежительного отношения к нему как ученому. Дело, как нам представляется, несколько в ином. Великий логограф в своем подходе к родовым преданиям опирался на вековые традиции, сложившиеся в среде греческой аристократии, к которой он и сам принадлежал. Божественное происхождение знати в глазах отнюдь не только ее самой, но и рядовых граждан, было чем-то само собой разумеющимся, фактом, не нуждающимся в доказательствах и не подверженным каким бы то ни было сомнениям.

Несомненно, что отношение к аристократическим лидерам их рядовых сограждан в демократическом афинском полисе имело не только позитивную, но и, так сказать, «конфликтную» составляющую. Демос ощущал дистанцию, существовавшую между ним и знатью, и пытался по мере возможности сократить ее, чему, естественно, активно противилось большинство самих представителей аристократии. Совокупностью вышеназванных обстоятельств во многом и обуславливалась специфика генеалогической традиции в условиях афинской демократии. Одним из характерных показателей такой специфики была, например, эволюция отношения к патронимике («отчеству») в раннеклассических Афинах. Патронимик, наглядно демонстрируя происхождение своего носителя (не будем забывать о распространенном обычае давать сыновьям имена дедов по отцу и матери, а также отражать в семейной ономастике ксенические связи), вполне однозначно фиксировал его социальный статус. До демократических преобразований конца VI в. до н.э. полное имя афинского гражданина состояло из личного имени и родительного падежа патронимика (например, «Мильтиад, [сын] Кимона», «Гиппий, [сын] Писистрата» и т.п.).

В ходе реформ Клисфена, превративших дем (локальную общину или квазиобщину) в основную административную единицу полиса, была предпринята попытка вывести патронимик из состава гражданского имени, поставив на его место демотик (обозначение принадлежности к дему). Теперь афинянин должен был называть себя, например, «Мегакл из Алопеки» или «Эсхил элевсинец». Однако данное новшество, призванное в известной степени уравнивать евпатридскую знать с рядовыми гражданами, приживалось очень трудно, о чем свидетельствуют данные остраконов — черепков с надписанными на них именами афинских политиков, применявшихся для голосования при остракизме и к настоящему времени в весьма значительном количестве (более 10 тысяч) найденных археологами. Основная масса находок относится к 480-м гг. до н.э., т.е. практически к начальному периоду клисфеновской демократии, когда внутривнутриполитическая борьба в Афинах была весьма бурной и остракизму подвергались исключительно представители аристократии. Уже неоднократно отмечалось, что, судя по надписям на остраконах, афиняне по-прежнему чаще упоминали при личном имени патрони-

ЛЕКЦИЯ 2. Аристократическая элита Афин: проблема структурирования

мик, нежели демотик. В конечном итоге в Афинах (насколько можно судить, не без борьбы) утвердился компромиссный вариант официального гражданского имени, включавший в себя как патронимик, так и демотик («Перикл, сын Ксантиппа из Холарга» и т.п.). Аристократам в данном случае удалось отстоять право на публичную манифестацию своей генеалогической традиции.

В силу всех вышеперечисленных факторов вполне естественно, что в Афинах классической эпохи, как и в предшествующие века, акцентированное внимание к генеалогии оставалось одним из важнейших и наиболее актуальных механизмов аристократического влияния. Этому способствовали, с одной стороны, новые возможности письменной и даже художественной фиксации родословных, предоставляемые появившейся прозой, а с другой — общие условия общественной жизни в демократическом полисе V в. до н.э. Как мы видели, для этого хронологического отрезка было характерно соперничество знатных родов, а в еще большей степени — двойственное, не только благоговейное, но и весьма подозрительное отношение демоса к своим евпатридским лидерам, набравшие силу эгалитарные тенденции, которые могли повлечь за собой полную утрату знатью своего традиционного авторитета. Аристократы в меру своих возможностей пытались противостоять этим тенденциям, снова и снова напоминая о своем неординарном происхождении. Можно упомянуть в данной связи мифографа и историка первой половины V в. до н.э. Ферекида, которого Ф. Якоби назвал «первым афинским прозаиком» (Jacoby, 1956, S. 116 ff.). Ферекид, принадлежавший к окружению Филаидов, опубликовал подробную родословную этого афинского рода (Pheres. FGrHist. 3. F 2). Эта родословная, дошедшая до нас через посредство позднеантичного автора Маркеллина (Vita Thuc. 2), включала в себя длинный ряд имен (от легендарного Аякса Саламинского до вполне реальных афинских деятелей позднеархаического времени — Гиппоклида, Мильтиада Старшего и др.) и, таким образом, призвана была связать воедино славное прошлое Филаидов с его не менее блистательным настоящим. Многие из называемых Ферекидом антропонимов зафиксированы в ономастике упомянутого рода и на последующих этапах его истории. Таковы, например, личные имена Эпилик, Улий, Тисандр. Все это в целом

говорит в пользу аутентичности стеммы Филаидов, во всяком случае, в значительной своей части.

Во многом по аналогичному пути шел и Геродот. Порой иронически высказываясь по поводу казавшихся ему чересчур прямолинейными и наивными генеалогических гипотез Гекатея (Геродот, История. II. 143), он тем не менее и сам уделял аристократическим родословиям весьма значительное место в своем труде. Ограничиваясь здесь афинским материалом, укажем, что историк, как правило, не упускает случая сказать хотя бы несколько слов о происхождении и генеалогических связях аттической знати, будь то Гефиреи, Писистратиды или те же Филаиды (Геродот, История. V. 57; V. 65; VI. 35); все эти вопросы вызывают его нескрываемый интерес. Довольно загадочным в такого рода контексте выглядит умолчание Геродота об истоках Алкмеонидов — рода, о котором он пишет много и подробно. Как известно из сообщения Павсания (II. 18. 8—9), Алкмеониды считались потомками пилосской царской династии Нелеидов, эмигрировавшей в Аттику после дорийского вторжения. Почему «отец истории» ни словом не упоминает об этом? Однозначное и удовлетворяющее всех решение проблемы вряд ли когда-нибудь будет найдено. Насколько можно судить, здесь нужно, помимо прочего, принимать в расчет и то обстоятельство, что Перикл, с которым Геродот близко общался в Афинах и от которого в значительной мере получал информацию, по ряду причин не желал привлекать внимание к «оскверненному» роду своих предков по матери.

Здесь, пожалуй, будет наиболее уместным затронуть вопрос о том, какова вообще историческая ценность аристократических родословных, о которых идет речь, иными словами, насколько они аутентичны, с тем чтобы высказать по этому вопросу свою принципиальную позицию. Дело в том, что перед нами весьма сложная проблема, и можно даже сказать, что общий язык между сторонниками различных вариантов ее решения пока так и не найден. Автору этих строк представляется наиболее продуктивным умеренно-критический подход к данным афинской генеалогической (и вообще легендарной) традиции, признание наличия в ней под разного рода наслоениями аутентичного ядра, которое и подлежит отысканию, исследованию и использованию в качестве источника. Однако в настоящее время чрезвычайно сильны в науке позиции гиперкритиков, считающих все такого рода генеало-

ЛЕКЦИЯ 2. Аристократическая элита Афин: проблема структурирования

гии фиктивными, сфальсифицированными (например: Roussel, 1976, p. 62—63; Littman, 1979; Ober, 1989, p. 55 ff.; Яйленко, 1990, с. 108—109). Представители данного направления зачастую даже не берут на себя труд аргументировать свою точку зрения, а просто походя, как о чем-то само собой разумеющемся и давно доказанном, высказываются в том смысле, что та или иная аристократическая родословная была измышлена тогда-то или тогда-то (существует широкий диапазон достаточно произвольных датировок) и с такой-то или такой-то целью (цель определяется опять же постольку, поскольку она согласуется с общими концептуальными построениями автора).

Таким образом, афиняне периода ранней и средней архаики оказываются всего лишь манипуляторами преданием, произвольно включавшими в родословные списки и исключавшими из них различных персонажей. Но как же быть с гневом божественного предка, подобным образом безжалостно вычеркнутого из прошлого? Стало быть, пресловутые «фальсификаторы истории» были еще и прожженными атеистами. А если учесть, что заниматься подобными фабрикациями могли лишь жрецы (историков еще не было), то ситуация оказывается еще более пикантной. По категоричному (и, на наш взгляд, вполне справедливому) утверждению Ф. Фроста, на протяжении большей части архаической эпохи вера в богов была всеобщей, что практически исключало возможность религиозных манипуляций (Frost, 1996).

Если же говорить серьезно, то не стоит столь уж критично относиться к генеалогической традиции, как правило, основанной на вполне аутентичном историческом ядре. Последнее относится не только к античности; насколько можно судить, в любой традиционной культуре родословное предание — едва ли не наиболее устойчивый и достоверный элемент мифологии. Это установлено, в частности, на примере фольклора Полинезии; цепочки легендарных предков, сохранившиеся в памяти жителей удаленных друг от друга островов, сходились в одной общей точке (Молчанов, 2000, с. 12—13). В Греции же, помимо прочих обстоятельств, способствовало сохранению генеалогической информации наличие развитого культа предков. Аристократ, «изобретающий» себе родословную, тем самым отрекался бы от своих настоящих предков и начинал бы считаться (и считать себя) потомком каких-то совершенно посторонних ему

людей — со всеми соответствующими ритуальными импликациями подобного поступка. Признаться, нам это кажется мало согласующимся со спецификой архаического религиозного менталитета.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что на протяжении не только архаического, но и всего классического периода в Афинах придавалось весьма большое значение родословным аристократов-евпатридов. Они служили обоснованию и укреплению общественно-политического авторитета этой прослойки и являлись важным компонентом исторической памяти эпохи, что нашло выражение, в числе прочего, в трудах крупнейших древнегреческих историков и других писателей.

С генеалогией тесно связана другая специальная историческая дисциплина — просопография. В исследовании истории афинской аристократии в течение последних десятилетий все бóльшую роль играет просопографический метод. После выхода фундаментальной «Аттической просопографии» И. Кирхнера (Kirchner, 1901—1903) в первой половине XX в. интерес к этой дисциплине в определенной мере уменьшился. А. Гомм даже предостерегал против злоупотребления просопографией. Случайный характер упоминаний в источниках о той или иной персоналии, неполнота сведений, почти полное отсутствие материала о женщинах могут, на взгляд ученого, привести к значительным искажениям (Gomme, 1986, p. 80—81). Однако при соблюдении необходимых предосторожностей просопографический метод может принести все же весьма весомые результаты, как видно на примере римской истории (Bicknell, 1972, p. VIII).

Просопографические штудии охватили в последнее время самые различные области афинской истории. Важным достижением в этой сфере стала монография Дж. Дейвиса «Афинские состоятельные семьи» (Davies, 1971), в которой прослеживается практически во всех аспектах история известных аттических семейных групп. Весьма полон как просопографический свод второй посвященный Аттике том многотомного компендиума «Лексикон греческих личных имен» (Osborne, Byrne, 1994). Использование данных просопографии, на наш взгляд, является одним из наиболее перспективных направлений в изучении позднеархаических и раннеклассических Афин. Впредь нам не раз придется обращаться к этим данным.

Тема II

На вершинах власти: *аристократическая элита Афин в VII—VI вв. до н.э.*

